

Сказка Г.Х. Андерсена " Штопальная игла "

Жила-была штопальная игла; она считала себя такой тонкой, что воображала, будто она швейная иголка.

– Смотрите, смотрите, что вы держите! – сказала она пальцам, когда они вынимали ее. – Не уроните меня! Упаду на пол – чего доброго, затеряюсь: я слишком тонка!

– Будто уж! – ответили пальцы и крепко обхватили ее за талию.

– Вот видите, я иду с целой свитой! – сказала штопальная игла и потянула за собой длинную нитку, только без узелка.

– Пальцы ткнули иглу прямо в кухаркину туфлю, – кожа на туфле лопнула, и надо было зашить дыру.

– Фу, какая черная работа! – сказала штопальная игла. – Я не выдержу! Я сломаюсь!

И вправду сломалась.

– Ну вот, я же говорила, – сказала она. – Я слишком тонка!

"Теперь она никуда не годится", – подумали пальцы, но им все-таки пришлось крепко держать ее: кухарка накапала на сломанный конец иглы сургуч и потом заколола ею косынку.

– Вот теперь я – брошка! – сказала штопальная игла. – Я знала, что буду в чести: в ком есть толк, из того всегда выйдет что-нибудь путное.

И она засмеялась про себя, – ведь никто не видал, чтобы штопальные иглы смеялись громко, – она сидела в косынке, словно в карете, и поглядывала по сторонам.

– Позвольте спросить, вы из золота? – обратилась она к соседке-булавке. – Вы очень милы, и у вас собственная головка... Только маленькая! Постарайтесь ее отрастить, – не всякому ведь достается сургучная головка!

При этом штопальная игла так гордо выпрямилась, что вылетела из платка прямо в раковину, куда кухарка как раз выливала помой.

– Отправляюсь в плавание! – сказала штопальная игла. – Только бы мне не затеряться!

Но она затерялась.

– Я слишком тонка, я не создана для этого мира! – сказала она, лежа в уличной канаве. – Но я знаю себе цену, а это всегда приятно.

И штопальная игла тянулась в струнку, не теряя хорошего расположения духа.

Над ней проплывала всякая всячина: щепки, соломинки, клочки газетной бумаги...

– Ишь, как плывут! – говорила штопальная игла. – они понятия не имеют о том, кто скрывается тут под ними. – Это я тут скрываюсь! Я тут сижу! Вон плывет щепка: у нее только и мыслей, что о щепках. Ну, щепкой она век и останется! Вот соломинка несется... Вертится-то, вертится-то как! Не задирай так носа! Смотри, как бы не наткнуться на камень! А вон газетный обрывок плывет. Давно уж забыть успели, что на нем напечатано, а он, гляди, как развернулся!.. Я лежу тихо, смиренно. Я знаю себе цену, и этого у меня не отнимут!

Раз возле нее что-то заблестело, и штопальная игла вообразила, что это бриллиант. Это был бутылочный осколок, но он блестел, и штопальная игла заговорила с ним. Она назвала себя брошкой и спросила его:

– Вы, должно быть, бриллиант?

– Да, нечто в этом роде.

И оба думали друг про друга и про самих себя, что они настоящие драгоценности, и говорили между собой о невежественности и надменности света.

– Да, я жила в коробке у одной девицы, – рассказывала штопальная игла. – Девица эта была кухаркой. У нее на каждой руке было по пяти пальцев, и вы представить себе не можете, до чего доходило их чванство! А ведь занятие у них было только одно – вынимать меня и класть обратно в коробку!

– А они блестели? – спросил бутылочный осколок.

– Блестели? – отвечала штопальная игла. – Нет, блеску в них не было, зато сколько высокомерия!.. Их было пять братьев, все – урожденные "пальцы"; они всегда стояли в ряд, хоть и были различной величины. Крайний – Толстяк, – впрочем, отстоял от других, он был толстый коротышка, и спина у него гнулась только в одном месте, так что он мог кланяться только раз; зато он говорил, что если его отрубят, то человек не годится больше для военной службы. Второй – Лакомка – тыкал нос всюду: и в сладкое и в кислое, тыкал и в солнце и в луну; он не нажимал перо, когда надо было писать. Следующий – Долговязый – смотрел на всех свысока. Четвертый – Златоперст – носил вокруг пояса золотое кольцо и, наконец, самый маленький – Пер-музыкант – ничего не делает и очень этим гордился. Да, они только и знали, что хвастаться, и вот – я бросилась в раковину.

– А теперь мы сидим и блестим! – сказал бутылочный осколок.

В это время воды в канаве прибыло, так что она хлынула через край и унесла с собой осколок.

– Он продвинулся! – вздохнула штопальная игла. – А я осталась лежать! Я слишком тонка, слишком деликатна, но я горжусь этим, и это благородная гордость!

И она лежала, вытянувшись в струнку, и передумала много дум.

– Я просто готова думать, что родилась от солнечного луча, – так я тонка! Право, кажется, будто солнце ищет меня под водой! Ах, я так тонка, что даже отец мой солнце не может меня найти! Не лопни тогда мой глазок (игольное ушко по-датски называется игольным глазком), я бы, кажется, заплакала! Впрочем, нет, плакать неприлично!

Однажды пришли уличные мальчишки и стали копаться в канавке, выискивая старые гвозди, монетки и прочие сокровища. Перепачкались они страшно, но это-то и доставляло им удовольствие!

– Ай! – закричал вдруг один из них; он укололся о штопальную иглу. – Смотри, какая штука!

– Черное на белом фоне очень красиво! – сказала штопальная игла. – Теперь меня хорошо видно! Только бы не поддаться морской болезни, этого я не выдержу: я такая хрупкая!

Но она не поддалась морской болезни – выдержала.

– Я не штука, а барышня! – заявила штопальная игла, но ее никто не расслышал. Сургуч с нее сошел, и она вся почернела, но в черном всегда выглядишь стройнее, и игла воображала, что стала еще тоньше прежнего.

– Вон плывет яичная скорлупа! – закричали мальчишки, взяли штопальную иглу и воткнули в скорлупу.

– Против морской болезни хорошо иметь стальной желудок, и всегда помнить, что ты не то что простые смертные! Теперь я совсем оправилась. Чем ты благороднее, тем больше можешь перенести!

– Крак! – сказала яичная скорлупа: ее переехала ломовая телега.

– Ух, как давит! – завопила штопальная игла. – Сейчас меня стошнит! Не выдержу! Сломаюсь!

Но она выдержала, хотя ее и переехала ломовая телега; она лежала на мостовой, вытянувшись во всю длину, – ну и пусть себе лежит!

Другие сказки Андерсена